

Прошло ещё немного времени и нам с Раалом официально пришлось отказаться от мелкого ремонта рынка. Я вырос в высоту, он вширь, так что мы туда попросту не пролазили. Зато кварианец, наконец, сосредоточился на ремонте деталей, полностью покрывая наши текущие расходы. Я помогал по мере сил, но всё, что касалось нулевого элемента, оставалось для меня запредельным уровнем, который я изучал лишь поверхностно в пределах пользователя. Да и охладел я к технике, честно сказать, когда она перестала быть существенной статьёй моего дохода. Так что в лавке я отошел на вторые роли, сосредоточившись на администрировании.

Так же я глотал всю возможную литературу, которая пригодилась бы разведчику-диверсанту, поскольку с наставниками мне не везло катастрофически. Пришлось даже просить турианцев из охраны Арии заниматься со мной рукопашкой, что, учитывая их длинные руки, колоссальный, по сравнению с моим, опыт и мою же откровенно слабую ударную технику заканчивалось для меня расходом весьма приличного количества панацелина. А ребята довольны, им весело. Этот нездоровый ко мне садизм я заметил ещё во время спланированного ими похищения.

Вообще, надо быть до конца честным, говоря об этой гребенчатой парочке, они меня жалели. По-своему, по-туриански, это выражалось в том, что удары, которые должны были привести к моей неминуемой смерти, наносились вполсилы, а потом, пока я приходил в себя мне объясняли, где я дурак. Вообще, чтобы вы знали, турианская жалость не сильно отличается от кроганского милосердия. «Я тебя почти убью для профилактики, а ты потом не умрёшь от такого же удара».

В общем, два часа в день я работал с Раалом, ещё столько же сводил нашу нехитрую бухгалтерию, час гонял Лизелль, ещё два часа ловил люлей от Грига и Сола, которых ради такого Ария отпустила в отпуск, после пары часов отдыха шёл бегать на склад к Грашоку, потом возвращался в квартиру к Элис, грызть гранит науки, ибо всерьёз рассчитывал к этому году закончить школу. Правда, турианцы своими ударами по моему несчастному кумполу всерьёз подкосили мои шансы сделать это.

Вот так каждый день. Как следствие, я наконец, свалился от сильнейшего переутомления.

Ой что тут началось! Итак, по степени разрушительности последствий:

Во-первых, турианцы резко вернулись из отпуска и получили от Арии в бубен. Иначе не скажешь. Как сообщил Брэй, пришедший меня навестить, их мандибулы ещё так не трещали на этой станции. По крайней мере от себя я сказал, что они не виноваты, попросив её величество особо не зверствовать.

Вторым на очереди шёл Раал'Тар, прочитавший мне целую лекцию о том, как коварные и подлые вирусные инфекции любят поселяться в изможденных организмах. Рассказывал вдумчиво, вкрадчиво и очень долго. Вот бедным кварикам у себя в школах мозги шлифуют! Да только на основе этого его пересказа можно так «Обитель зла» отредактировать, что блевать будут даже кроганы! Массово!

Далее шла Элис, пробудившийся внезапно у неё материнский инстинкт был, в принципе, не так ужасен, как страшилки кварианских мальчиков, но обретал физическую форму через попытки подоткнуть мне одеяло, напоить горячим чаем с пилюлями или (о ужас!) кормления с ложечки.

В общем, пока я доказал всем, что абсолютно здоров и просто немного перетруился, упухался ещё больше. Так что пришлось блокировать дверь, предварительно вывесив на ней табличку с

воззванием к совести разумных.

Но сон не шёл, пару раз мне удалось забыться в тяжёлом липком бреду, от которого голова пухла ещё больше. Виделись кошмары, после них я вскакивал в холодном поту или даже с криком, но память предусмотрительно стирала все следы, кроме пота и животного ужаса.

В довершение ко всему, когда я распахнул глаза, убегая от очередного кошмара, почувствовал в комнате чужое присутствие. ВИ, управляющий нашим с Элис жилым блоком установил мягкое освещение, комфортное просыпающемуся человеку и дал мне возможность осмотреть комнату. В дальнем, самом тёмном углу, за тренажёром плакал ребёнок.

Ужас вернулся, и не потому, что в закрытой комнате вдруг появился кто-то. Не потому, что мне в своей ещё прошлой жизни довелось пересмотреть туеву хучу ужастиков. Страшно стало от того, что всё что я делал и чего ещё не сделал, могло рухнуть в бездну забвения прямо сейчас.

— Мне страшно. — Всхлипнул мальчик и попытался утереть слёзы грязным рукавом. Тем самым, которым я когда-то вытирал от крови нож.

— Не бойся, Лео, — Я в мгновение оказался на коленях подле галлюцинации. — Батарианцев больше нет. Мы с ними справились, помнишь? Вдвоём. Со всеми.

— Мне страшно! — Продолжил канючить мертвый ребенок, бледнея на глазах, — Ты страшный! Ты хочешь, чтобы я ушёл!

— Я... — Подавился я ложью. — Да. Прости. Я в самом деле хотел, чтобы ты ушёл, не мешал, не путал мне мысли своими эмоциями... Я же... — Мне так много важного хотелось ему сказать, что пришлось тараторить, глотая слова с выступившими слезами. — Понимаешь, я же здесь один! У меня нет ничего, что было бы жалко отдать... Да ты сам знаешь, что я хочу. Это... не просто. Фактически моя теперешняя жизнь — это просто более жестокий способ самоубийства, чем мы уже не пережили.

— Вижу. — Очередной всхлип. — Я мешаю.

Он протянул мне вторую руку, до этого как бы не существовавшую. Нож, рукоятку вперед.

— Помоги уйти. — Сказал он решительно. — Мешаю.

А вот теперь мне стало дурно. Я вообще-то, представлял, что мне придется на своём пути убить очень много разумных. Самых разных. Азари, кроганов, саларианцев, людей, не важно и это меня нисколько не смущало. Но только сейчас правда встала передо мной лицом. Ни в одном из моих дичайших планов я не рассматривал убийства детей. А ведь именно это я и делал, монотонно и упорно, на протяжении всех четырёх лет моей здесь жизни.

— Кем я стану, если это сделаю? — Прошептали мои губы не в силах выдавить звука.

— Тем, чем нужно. — Ответил ребёнок. — Решительным, злым, сильным. Единственным.

Ребенок сделал шаг в мою сторону и вытянул руку с оружием. Нож был грязным, в разводах от красно-коричневой крови, а моя фантазия рисовала картины расправы. Я протянул руку, взял паренька за плечо и притянул к себе. Нож выпал из детских рук, когда я стискивал маленькое тельце в объятьях.

— Я не справлюсь один.

— Не смогу помочь.

— Не надо. Просто будь.

— Двоим нет места.

— Но это не значит, что кому-то надо умирать.

— Да. Не значит. — Согласился ребёнок, и я почувствовал, как его руки пытаются обхватить меня. — Будь мной.

— Будь мной.

Темнота.

Нашёл я себя на полу в том самом тёмном углу, свернувшимся калачиком, рядом с ножом. Моим, а не тем самым, ладонь была порезана, будто за рукоять оружие держал я. Но это не самое главное. Очнувшись, я впервые ощутил себя не чем-то пустым, но человеком. Полноценным.

«Дорогой Лео, ты опять не пишешь. Да и я, честно сказать, не знаю, зачем это делаю. — Читал я последнее письмо от Саманты. — Я всё понимаю. Ты растёшь, у тебя появились новые друзья. По крайней мере я хочу в это верить. Знаешь, мне ведь тоже не приходится сидеть без дела. Тех денег, которые привёз мой отец с Илиума хватило не только мне, но и всей колонии. Мы открыли новые школы, магазины, частично модифицировали порт. Сейчас наш гарнизон пользуется лучшим снаряжением. У нас вообще теперь всё лучшее. Мы даже в рейтинге безопасности обошли всех. Благодаря тебе и без тебя».

В этих строчках явственно читалась обида.

«У тебя появилась сестрёнка, ей уже три месяца, и она вполне различает лица. По крайней мере, когда я пытаюсь взять её на руки она начинает вопить, как варрен. Даже не представляю, как такие маленькие лёгкие рожают столь душераздирающие звуки. Тётя Гинора говорит, что уже привыкла, но вид у неё уставший. Знаешь, всё могло бы быть по-другому, если бы ты хотя бы попытался вернуться. Но теперь я это понимаю. Ты не хотел возвращаться. Сам. А раз так, то и скучать я по тебе не буду. Хотя, ты теперь красавчик».

Вот тут надо сделать отступление. Сэм сейчас шестнадцать, а она и в двенадцать выглядела очень многообещающе. Так что сейчас она превратилась в настоящую красавицу. И будь я, ну скажем, арабским шейхом, отдал бы за неё половину своих нефтешек, не колеблясь ни секунды. Наверняка за ней сейчас километровый хвост из поклонников. Впрочем раз в жизни, это можно увидеть и воочию.

Сегодня я был похож на самый маленький в мире волнорез. Потому как, весь-таки излучая решимость, пёр с парадного хода сквозь толчею в «Загробной жизни». На мне был чёрный смокинг из дорогого Иллиумского ателье, чёрные же высокие ботинки и белоснежная рубашка, повязанная бронзовым (это цвет) галстуком. Завершал натюрморт громадный букет алых роз и старый пыльный ящик, ехавший за мной, как привязанный на масс-драйверной платформе. От меня тянулся лёгкий шлейф ароматов моря. Ну и прибавим сам факт того, что

ребёнок ходит по клубу, как нечто само собой разумеющееся. Так что внимание я привлёк. Охрана, многострадальные Григ и Сол смотрели на меня, как на блаженного, но пропустили безо всяких вопросов и лишь наверху вечный Брэй проверил меня своим сканером и сообщил всем присутствующим, что я чист.

— Что за... — Поперхнулся Патриарх, составлявший королеве компанию в этот раз. Он стоял спиной ко мне, посему увидел Моё Великолепие позже всех.

— Каждый раз, когда я думаю, что видела в этой жизни всё, то вспоминаю одного мелкого человечка и вчерашние невзгоды кажутся мне лишь лёгкой разминкой. — Улыбнулась Ария. — Лео, ты убиваешь мою веру в будущее.

— Жаль. — Нагло солгал я. — Именно сегодня хотелось произвести максимально благоприятное впечатление.

В доказательство своих слов, я подошёл к королеве и вручил ей букет. Потом ловко вскрыл ящик и достал из него тёмно-зелёную и ощутимо старую бутылку.

— Сегодня особенный день для меня, и я бы хотел отметить его хоть как-то с вами, как разумной, принявшей наиболее глубокое участие в моей жизни. — Из того же ящика, но уже из другой секции в мои руки вынырнули три хрустальных фужера.

— Повод? — Не понял Патриарх.

— Да. Там, в букете, в бутонах.

Королева не поленилась и выудила из цветника открытку, пока я разливал вино по бокалам и протягивал его азари, крогану, ну и себе. Сегодня и только сегодня можно! Пофиг на возраст.

Ария отложила букет совсем и с интересом развернула открытку. Да... Все женщины прутся по обёрткам. Как кошки, лишь бы блестело и шуршало. А с Земли она или с Тессии, это не важно.

— Пятнадцать миллионов, — просканировала она кэш-карту своим уником. Потом усмехнулась, видимо, оценив спектакль, и подняла бокал с прозрачной алой, как рубин жидкостью. — Значит, пьём за свободу?

— За выбор! — Поправил я. — В свободе я никогда ограничен не был, так ведь?

С этими словами я сделал большой глоток, впервые оценив на вкус алкоголь в этом теле. Ксеносы сделали то же самое. Ария поддержала содержимое во рту и вопросительно посмотрела на меня. Надо же, как мало они знают о людской выпивке!

— Таска д'Альмерита тысяча девятьсот восьмидесятого года выпуска. — Пояснил я. — Красное сухое вино, произведенное в Сицилии чуть менее двухсот лет назад.

Кроган, услышав дату выпуска, естественно обработанную его переводчиком на цифры эпохи Цитадели нахмурился. Ария тоже подняла на меня вопросительный взгляд.

— Вкус победы. — Пояснил я. — Так это называется у людей.

— То-то я думаю, бурда какая-то. — Произнес совсем сникший кроган и удалился, бросив на прощание. — Пойду запью чем-нибудь стоящим.

— Нехорошо получилось, — Выдал я, когда ящер удалился.

— Он привык. — Холодно ответила королева, которой его выходка тоже не понравилась. — Когда улетаешь?

— Со дня на день. — Пожал я плечами. — Билет пока не покупал.

— Насовсем?

— Нет, куда я от вас? Просто повидать родителей.

— Ты мог это сделать гораздо раньше.

— Наверное. Но только сейчас понял, как сильно мне это нужно. Тем более я достиг своего предела прочности и мне надо восстановиться. А здешние развлечения не для нежной детской психики.

— Как же ты жил все эти годы?

— Выживал. Поможешь с документами?

— Хорошо. Иди.

Сразу, как только ушёл Лео, вернулся Патриарх. От него ощутимо разило ринколом, но он был трезв, как стёклышко, более того, от старой обиды не осталось и следа.

— Злишься на него? — Полюбопытствовала королева, наслаждаясь странным напитком.

— Ха, да после такого я его расцеловать готов — Хмыкнул ходячий реликт. — Ты-то меня просто уделала, но пацан... Так послать, это надо ещё умудриться! Ха!

Ария на секунду задумалась над словами крогана, покрутив фужер в руке, от чего вино замерцало в лучах светомузыки. Затем её взгляд пыхнул гневом, но лишь на мгновение, что не укрылось от Патриарха, улыбка которого вдруг стала напоминать акулю.

— И ведь не предъявишь. — Мурлыкнула королева, вновь сделав глоток. Вкус был по-прежнему великолепен, но в этот раз было в нём что-то гнилостное. Настоящий вкус победы, вот только кого над кем? Арии над Патриархом в далёком тысяча девятьсот восьмидесятом или Лео над ней только что?

Фужер уже по старой доброй традиции полетел в стену.